

Т.А. Хорольская

ЭКЗИСТЕНЦИЯ. КУЛЬТУРА. ДУХОВНОСТЬ.

Одной из примечательных черт современной жизни является всеобъемлющее и динамическое проникновение всего самого нового в непосредственное бытие человека. Казалось бы, этот динамизм новаций должен как нельзя лучше удовлетворять бытие нашего современника. Однако не так уж редко современный человек оказывается в состоянии безысходности, беспомощности, в состоянии отсутствия деятельной активности, без желания быть субъектом интенсификации процесса материального и духовного созидания, радикального обновления способов собственной жизнедеятельности; ощущается леность ума и духа, пассивная удовлетворенность судьбой и подчиненность ей.

Очевидно, ориентация жизнедеятельности на приоритет инноваций не гарантирует человеку безошибочности жизненного пути, избегания борьбы между соблазнами возможностей и угрозами почти фатальных опасностей в отрыве от комплекса проблем экзистенциально-нравственной и духовной направленности, значимости, мотивирующих прогресс. Трудно возразить на размышления Ф.Фукуямы относительно того, что большинство инновационно-информационных процессов современной цивилизации — это преимущественно "технологический лифт, который движется" [1]. Еще труднее не согласится с Д. и Д. Медоузами, что современные достижения разума способствуют развитию "количественной экспансии" человека и, приоритетно, миру промышленной культуры, а не культуры как таковой [2]. Бесспорным следует признать и то, что в современном мире происходит смена социокультурных эталонов на так называемую экранную культуру, клиповое мышление, "многомирие" (виртуальность), а интеллектуальный потенциал не реализуется эффективно потому, что не востребован сполна.

Мир же человека — это целостный мир культуры, оптимальное бытие которого находится в прямой зависимости от того, что и как мы создаем: с добрыми или враждебными (в этиче-

ском значении) намерениями и целями, со всей "ответственной любовью и мудростью" или безответственностью [3]. Переход отечественного любомудрия в подлинную философию, "логическую самостоятельность философского творчества", можно рассматривать как непрерывающийся разговор "в сущности на одну и ту же тему" [4], тему духовно-практического способа экзистенциального укоренения человека в мире, его суверенности, счастья и свободы, о чем свидетельствуют и современные ежегодные философско-антропологические чтения, организуемые Институтом философии Национальной академии наук Украины, с участием многих ведущих философов.

Несмотря на то, что украинская философия, особенно в свой доклассический период, содержала в себе достаточную меру стихийной иррациональности, она не была, тем не менее, враждебной к строгости формы и суждений европейской философии. Только тогда "для сердца возможен подвиг и самоотвержение", когда истина станет личным достоянием и сокровищем, а не только отвлеченной мыслью. И только тогда человек может вступать в борьбу с обстоятельствами, считает П.Юркевич [5].

Однако просветительская идея И.Канта о естественной необходимости человека пользоваться своим разумом, в самобытной украинской философии, начиная с XVIII века, преломляется через синтез двойного гуманистического духовного ренессанса: европейского и отечественной мысли периода Киевской Руси, для которой главной задачей было помочь человеку отыскать метод решения жизненных проблем, помочь ему утвердиться человеком деятельным, волевым, творческим в отношениях с Миром, Богом, обществом, самим собой. Самые глубокие корни сосредоточенности на проблеме человеческой жизни содержит в себе классическое философствование выдающегося украинского философа и гуманиста XVIII века Григория Сковороды, обращение к которому позволяет его последователям увидеть и понять крайности и односторонние приоритеты в человеческом жизнеосуществлении.

Для современной отечественной философской антропологии, характерно понимание определения содержания гуманизма не человечностью как таковой, а ее преломлением через инди-

видуальное бытие человека и его качеств как личности. Идея личности, ее прав, ценностей и свобод выступает сегодня основанием обогащения и становления общечеловеческих ценностей. И именно сосредоточенность на экзистенции, объединяет все поколения украинских мыслителей, вписываясь тем самым в европейский и мировой контекст философствования рубежа XX – XXI вв., полагающегося на принцип монадности, то есть личностной репрезентации человеческого бытия, процесса развития человека как монады, движения "Я" через "не-Я" к синтезу обоих в более развитое "Я" (Мухаммад Шариф, пакистанский философ).

Общеизвестно, что самым ярким выразителем линии реабилитации философско-антропологического знания в XX столетии стала философия экзистенциализма. Именно она коснулась проблемы глубинности структуры человеческой субъективности, модуса ее аутентичности, идеи проективности бытия и свободы, идеи "сингулярной нехватки" (Сартр) "бытия-для-самого-себя", поскольку оно никогда не есть постоянной данностью.

Однако отечественная философская антропология особое внимание обращает на то, что современные экзистенциальные дилеммы жизни так многочисленны и сложны, что существенное значение в жизненных исканиях человека, кроме традиционных экзистенциалов, приобретают такие принципиально важные экзистенциалы как решимость и мужество, позволяющие ему преодолевать ситуации абсурдности бытия и в свободном выборе устремляться к его аутентичности, к "бытию-в-себе-и-для-себя" (Сартр). Так, видение этой ситуации С.Крымским, фактически можно считать актуализацией обоснованного еще Г.Сковородой призыва античности "познать самого себя", когда он говорит о том, что решительность позиции личности предполагает субъективную удостоверенность в истине, как альтернативе иллюзий, воплощенной в человеческой судьбе [6].

По М.Хайдеггеру, экзистенциальное мужество – это свободный выбор бытия к смерти. Отечественная экзистенциально-антропологическая мысль сориентирована на экзистенциальную "вневременность" бытия в культуре как "плодотворного существования" (Б.Пастернак). При этом предполагается особое от-

ношение человека к миру, а именно как "непотребительская созерцательная деятельность" (С.Крымский), требующая объединения вопросов: "Что я должен делать?" и "Каким должен быть?", и содержанием которой будет переход внешних созидательных действий во внутриэкзистенциальное смыслотворчество и состояние свободы, состояние взращивания во внутреннем мире личности "бесконечности лица" (Гегель) как человека культуры.

Именно культура высвечивает "деятельностную парадигму" человеческой сущности и существования. Доказательством этой неразрывности есть интенсивная разработка культурологического подхода к пониманию человека и его жизни, сближение философской антропологии и художественной описательной нарративности при условии придания ей рефлексивного звучания и создания так называемых образов-концептов человека, которые дают возможность увидеть как разворачивается фабула человеческой жизни. Кстати, именно культурологический анализ бытия человека и лингвистический анализ понятий сущности и существования позволяют предположить, что разрыв этих понятий в классическом экзистенциализме, во многом надуманная проблема. Ибо, в конце концов, как бы теоретически не определялась сущность человека – в конкретных жизненных условиях он всегда опирается на здравый смысл, означающий, что сущность не отменяет конкретных форм проявления человеческой жизни.

Человек делает свою жизнь предметом своей деятельности. И поскольку его собственная жизнь является для него предметом, то его деятельность есть свободная деятельность высшей формы – как самодеятельность. Человеческая субъективность может проявляться во многих планах. Однако без самосозидания нет творчества. Творческое начало может возникнуть и развиться лишь у ярко выраженной индивидуальности. Нивелировка индивидуальности, подгонка ее под типичное, не только способствуют становлению конформистского личностного типа, но и направлены на уничтожение личности, "лика", "лица", то есть того, что придает смысл и полноту индивидуальному бытию, противоположного любой абсолютизации и системной

обобщенности.

Важность учета диапазона субъективного удовлетворения, по нашему мнению, связана с тем, что поиск истины в системе жизненных ценностей (экзистенциалов) должен становиться для человека поиском самого себя, верховной ценности экзистенциальной жизни – своего человеческого лица (лика). Личность характеризуется своей, только ей присущей, "линией жизни" – индивидуальной биографией. Это предполагает собственную жизненную позицию, мировоззренческие взгляды, убеждения, ценности и идеалы. В них как раз и укоренена субъективность каждого из нас. Изменить своим убеждениям, идеалам, принципам, сменить жизненную позицию – значит перестать быть самим собой. И, наоборот, – личность самоутверждается, проводя в жизнь свои мировоззренческие принципы, следуя смыслам и значениям культуры, зачастую противодействуя и сопротивляясь среде.

В силу этого человек является носителем реального противоречия. С одной стороны, он часть и продукт социокультурной среды, с другой – он изменяет ее, преодолевая ее сопротивление индивидуализации. С одной стороны, он изменяется под воздействием среды, с другой – мужественно стремится сохранить свое неповторимое "Я". Это противоречие делает личность гибкой, соединяющей в себе изменчивость, пластичность с устойчивостью и консерватизмом, наконец – с духовностью, как экзистенциальной способностью "переводить универсум внешнего бытия во внутреннюю вселенную личности на этической основе", способностью создавать тот внутренний мир, благодаря которому реализуется "себе тождественность человека", духовность как "принцип самостроительства человека" [Там же]. Именно духовностью обеспечивается выбор личностью своего "лика", "лица".

Гуманистическая европейская традиция впитала в себя идею о личности как продукте социальной среды, которая в социологических теориях XX века в значительной мере сохранила свое содержание. Следует, однако, иметь в виду некоторую ее односторонность. Ведь личность всегда содержит в себе свою субъективность. Поэтому она, находясь в зависимости от среды, тем

не менее стремится сохранить свою самостоятельность, автономность и суверенность. Это и только это обеспечивает возможность "экзистенциального соло", возможность "Я" оставаться самим собой, функционировать в качестве субъекта деятельности данного времени, эпохи.

Но личность – не только "лик". Это еще и "личина", а вернее – совокупность "личин" – социальных ролей. Свое воздействие на социум индивид оказывает путем выполнения тех или иных ролей в разных областях социокультурной среды. Выбор этих областей, как и самих ролей, их сочетаний и характера исполнения зависит как от социальных условий и общественного положения человека, так и от человеческой индивидуальности. Трудно поверить в то, что без соответствующих задатков можно стать полководцем, выдающимся ученым, известным артистом. Правда, для большинства людей совокупность их общественных ролей определяется, прежде всего, и почти полностью, социальными условиями. Поэтому, на протяжении жизни их социальные роли меняются и, иногда, весьма значительно. Все это свидетельствует о том, что социальная обусловленность ролей человека и их личностное проявление и связаны теснейшим образом, и обладают относительной самостоятельностью, независимостью в процессе социализации.

В самой значительной мере свет на содержание "экзистенциального соло" проливают собственное понимание личностью смысла жизни, ответственность за выполнение возложенных на себя ролей, с которыми наитеснейшим образом связана сфера развития самосознания. Следовательно, в одном из своих проявлений процесс социализации означает становление в человеке образа собственного "Я".

Развитие самосознания в ходе социализации личности – это процесс, корректируемый, определяемый постоянным приобретением личностью индивидуального социального опыта в условиях расширения диапазона деятельности и общения. Хотя самосознание относится к самым глубоким, внутренним характеристикам личности, его развитие немыслимо вне деятельности и отношений в пространстве культуры. Именно благодаря последним, осуществляется определенная "коррекция" представ-

ления о себе самом с представлением о человеке, складывающимся у других людей ("Я" – "Они").

Именно благодаря этой связи и коррекции происходит экзистенциальное расширение мира значений и смыслов. А смыслы, как известно, являются одним из важнейших измерений самооценки человека, выявляют сферу его творческих сил. Это расширение в свою очередь предполагает экзистенциальную включенность в сферу духовности, культуры, с одной стороны, с другой – в существующие и совершенствующиеся стандарты поведения. То есть, первое обстоятельство обязывает человека, ставит его перед необходимостью освоения новых социальных смыслов, – включая и глубинные смыслы бытия, излагаемые и исповедуемые богословием и этикой, эстетикой и философией, наукой, с целью экзистенциального постижения идеалов гуманизма, мировоззренческих идеалов и ценностей. Второе обстоятельство предписывает человеку постижение тенденции усиления в современной жизни стандартизации поведения в типичных ситуациях, однако, не с целью сужения поведенческого выбора и экзистенциального пространства свободы, а с целью обретения индивидуальных приоритетов и альтернатив, не вступающих в непримиримое противоречие с общечеловеческими ценностями и нормами. Так, к примеру, мы наблюдаем сегодня более "мягкие", во многом отдалившиеся от жесткой традиционности и консерватизма, экзистенциальные поведенческие "наборы" в области гигиены, этикета, семейных отношений, в отношении к природе, профессии и т.п.

Таким образом, сегодня перед отечественной (впрочем, как и европейской) социально-гуманитарной наукой и философией стоит задача выявления скрытых в жизни этноса, народа парадигм поведения, деятельности, образцов культуры, мировоззренческих констант, являющихся основой определения содержания развития нового этапа социального и экзистенциального бытия. В связи с последним возникает проблема экзистенциального усвоения этих констант, парадигм, смыслов и образцов культуры, которая, представляется, может быть решена путем самосовершенствования личности, благодаря собственным усилиям, а также путем совершенствования систем коммуникации,

общения, воспитания, образования.

К слову, современный этап реформирования отечественной системы образования, во многом базируется на учете как европейского опыта преобразования системы науки и просвещения, особенно Ф. Бекона, о чем в 1997 году мне приходилось уже писать [7], так и опыта кооперации национальных учреждений систем образования и просвещения с европейскими. Однако следует подчеркнуть, что особенность понимания совершенствования отечественной системы образования, начиная со времени образования духовного центра Украины, Киево-Могилянской Академии, всегда покоилась на понимании цели преобразований: "не только ради пользы, но и для человеческого достоинства, ради развития личности, общения, понимания". Что же касается понимания совершенствования систем и способов современной коммуникации, то украинская философская мысль в известной части разделяет европейские концепции коммуникации, которые подразумевают экзистенциальные поведенческие акты как трансформацию и усвоение личностью знаковых образований новых культурных образцов и смыслов.

Тем не менее, можно предположить, что это новое может оказаться императивно-официальным, знаково-закрепленным миром общих норм, правил, канонов, стандартов не согласующихся с экзистенцией. Поэтому, чтобы сохранить свою индивидуальность, человек постоянно должен нацеливать себя на усвоение новых ценностей способом индивидуальной вовлеченности, включения в культурные смыслы. Тем самым, экзистенциальная жизнь в культуре обогатит, укрепит культурное целое путем преодоления собственных старых культурных смыслов и образцов, самопризнанных ограниченными и тормозящими самоосуществление, самореализацию личности, смыслами в которых не совпадают потребности, желания и цели, не ощущается целостность жизни, полнота бытия и свободы. Последнее требует индивидуальных целесообразных и целеполагающих действий, вырванных из контекста обыденной реальности, системы привычных смыслов, лишенных эвристической, творческой силы, требует не опосредованной саморефлексии личности интенсифицирующей внутреннюю, духовную жизнь индивида,

направленной на интегративное постижение действительности. Такая экзистенциальная деятельность всегда конструктивна, ибо конституирует альтернативное бытие, другой (собственный) мир, некую "инаковость", "инобытийность" во всех ее проявлениях.

Иногда такая "инобытийность" выглядит неоднозначно: (1) как нарочитая обособленность индивида от всего мира ("не от мира сего"), или (2) как героическое усилие индивида, прикладываемое к сотворению собственного мира "инаковости" в соответствии с только одному ему известным значением, как альтернативы, погрязшему в житейских проблемах, реальному миру, создавая тем самым, не редко, ирреальное ощущение полноты жизни и человеческого достоинства. Такая опасность может быть снята "врастанием" "инаковости" бытия в социум, то есть утверждением жизненных смыслов индивида (смысл всегда индивидуален) разнообразными социальными слоями, группами, обществом наконец. То есть, приобретая всеобщность, экзистенциальный смысл употребляется, в таком контексте, как человеческая осмысленность мира. Это врастание сродни андеграунду, движению, которое, разрушая границы бытия и небытия (в нашем случае – "инаковости" бытия) способно утверждать одновременно и экзистенциальный (альтернативный), и реальный модусы человеческого существования.

Однако всегда ли должен человек поступать целесообразно, то есть, соотнося свои поступки только с наличными ценностями и нормами? Или же он должен действовать только целеполагающе, то есть, полагая собственные цели и идеалы, ориентируясь не на наличное бытие, а на "инобытийность", бытие возможное, должное? На эти вопросы мы, вслед за И. Кантом, намерены ответить утвердительно, если не выпускать из виду перспективу гуманистического развития человека как субъекта и творца жизненного мира, ибо идеалы и ценности должного бытия всегда адекватны человеческой сущности и оказывают позитивное влияние на выбор той или иной возможности его развития. Редукция же экзистенциальных смыслов исключительно к целесообразности может привести к утрате экзистенцией своей творческой и гуманистической ориентации, живой

уникальности личности от которых во многом находятся в зависимости способы и формы экзистенциально-личностного самоопределения, "акт выбора себя самого" (Ж.-П.Сартр).

Таким образом, личность, экзистенция обнаруживает способность превращать новые смысловые структуры жизненного мира в устойчивые феномены, обеспечивающие оптимальное функционирование смыложизненной сферы, однако, "не указывая при этом эпохе как ей жить" (В.Кантор). Способом и условием осуществления этого "экзистенциального крещендо" (С.Крымский) и украинской философии, и экзистенции как таковой, являются творчество и свобода – высшие ценности человеческой жизни. Это осознавали и киевские профессора "Могилянки", осознают и киевские современные философы, ибо общеизвестно, что дверь в новый мир открывается тому, кто старается найти выход из обыденного мира смыслов, постоянно экспериментируя, прежде всего, над самим собой и, принимая героическое усилие по поводу освоения антиномичности жизни, пытаясь выявить таким образом общечеловеческую ценность сферы рождения личностных смыслов.

Вне контекста свободы духовное мужество личности невозможно. Свобода – важнейший коррелят бытия, ибо только в условиях свободного саморазвития и самоопределения личность может развить в себе и культуре освобождающие силы, противостоящие хаосу жизни, вооружится способностью ставить и достигать любых целей. То есть, будучи носителем свободы, экзистенция определяется "богатством изменений присутствия" (М.Хайдеггер) как самополагания смыслов индивидуально-конкретного "здесь-бытия", действительного самообнаружения непосредственности жизни. Однако последнее возможно при условии постоянного совершенствования культуры умений, дисциплины (воспитания), подчинения "культуре разума" (И.Кант), обеспечивающей не слабое развитие экзистенциальных начал, с помощью которых идет утонченная борьба за существование, а таких, которые обеспечивают жизненный оптимизм личности.

К сожалению, предпринимаемые попытки философской и гуманитарной общественности нацелить жизнь современной

Украины на оптимизирующие ценности пока не увенчались должным успехом. Наибольший успех у так называемых "новых украинцев" сегодня имеют неустанно формально произносимые гражданственные словечки: "идеал", "прогресс", "цивилизация", "свобода" и др., а не подлинно воспринятые ценности. Наше сегодняшнее "прогрессивное" общество, мягко говоря, на самом деле, что ни на есть консервативное, так как зачастую это мир нравственной тупости, а не разума, ибо не искоренено, а бытует и сегодня суждение: плохи духовные наставники, прежде всего интеллигенция, отдам-ка я предпочтение политикам и политике. А политики то наши научились всего лишь умело сводить решение любых дел к общим вопросам – приему весьма удобному, который ни к чему никого не обязывает. Но можно ли, не способствуя нисколько развитию индивидуальности, а напротив, культивируя и дальше человеческую стадность, ожидать, что это стадное сознание обеспечит появление в Украине деятельного, нравственного гражданина, уважающего свои обязанности и знающего свои права? Вопрос риторический, учитывая то, что права большинства украинцев сегодня по преимуществу – обязанности.

Как же тут состояться экзистенции, личности, если каждый момент сегодняшней нашей жизни, можно образумить двумя словами: соблюдать, уволить. Понятно, что при таких условиях не помогут ни публичная библиотека, ни консерватория, ни школа, ни культура в целом, хотя расшевелить разум человека и научить его оберегать дело от пустых слов, других способов нет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фукуяма Ф. Я или общество // Мировые дискуссии. – №27(76). – К., 2000.
2. Новая индустриальная волна на Западе. Антология. – М., 1999.
3. Иван Павло II. Переступити поріг надії. – Київ-Львів, 1995.
4. Степун Ф. Прошлое и будущее славянофильства // Северные записки. 1913, №11, Ноябрь.
5. Юркевич П.Д. Сердце и его значение в духовной жизни человека по учению Слова Божия // Труды Киевской духовной Академии. –

1860. – Т.1.

6. См.: *Крымский С.* Философия как путь человечности и надежды. – Київ, 2000.
7. *Хорольська Т.А.* Про деякі аспекти шляху до "великого відновлення" соціально-гуманітарної освіти. – Київ, 1997.